

№ 58.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1915 г.

XVI, 49580
1 я. экз.

ВОЙНА

ЦѢНА 10 К.

ПЕТРОГРАДЪ.

ОКТАБРЬ

(прежде, теперь и потомъ).

Гибель германскаго броненосца.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — .
 . 1 мѣс. — 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Непринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифы объявлений:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 58—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Октябрь.

Сила дисциплины.
 Разсказъ Карменъ Сильвы, Румынской
 королевы Елизаветы.

Карлисты осадили Бильдао.

Генераль донъ-Фернандо де-Гаррета рѣшилъ отправиться на помощь осажденнымъ.

Онъ очень спѣшилъ. Но холмы Санъ-Педро-Либанто, хорошо укрѣпленные, явились непреодолимой преградой.

Понадобилось сперва овладѣть ими, а это было не легко, въ виду ста жерлъ, зиявшихъ ему на встрѣчу смертью.

Ядра сыпались, какъ мелкій градъ, полки отважно шли на штурмъ, но, въ виду такого приѣма осаждающихъ, вынуждены были отступить.

— Господа, обратился выведенный изъ терпѣнія генераль къ окружающимъ его. Не можетъ же такъ дольше продолжаться. Мы понесли слишкомъ много жертвъ, солдаты теряютъ, наконецъ, и мужество,—нужно приободрить ихъ. Я самъ пойду на штурмъ во главѣ ихъ.

И генераль прищпорилъ коня.

Въ нѣсколько прыжковъ очутился онъ на вершинѣ холма, господствовавшего надъ дорогой.

Солдаты шли отважно до самаго рва, лежащаго за холмомъ, но здѣсь, подъ градомъ пуль, разносившихъ смерть во всѣ стороны, они теряли сознание и убѣгали въ беспорядкѣ; отыскивая скалу или дерево, за которымъ можно было бы укрыться.

Офицеры подбодряли ихъ, снова вели на штурмъ, но все съ тѣмъ же результатомъ.

Каждый разъ, какъ приободренный отрядъ проходилъ подъ холмомъ, генераль поднимался на стременинахъ, снималъ шапку и кричалъ:

— Кордова, да здравствуетъ Кордова! Мандигорра, да здравствуетъ Мандигорра! Впередъ, ребята, покажите, что Кордова умѣетъ нравиться дѣвушкамъ! Впередъ Кордова! впередъ Мандигорра...

Солдаты восклицали въ отвѣтъ:

— Да здравствуетъ генераль!

— Да здравствуетъ Испанія! отвѣчала генераль.

Двѣ тысячи человекъ легли въ бою, а донъ-Фернандо спокойно покуривалъ огромную сигару, сидя на конѣ, и вынималъ ее изо рта только для того, чтобы стряхнуть пепель, или чтобы поздороваться съ солдатами.

Рядомъ съ генераломъ стоялъ его молодой трубачъ, опираясь одной рукой о правый сапогъ донъ-Фернандо, а въ другой держа серебряную трубу; все время всматривался онъ въ лицо своего начальника, выжидая приказаній протрубить сигналы.

Но вотъ одна шальная пуля задѣла его, и онъ безъ вздоха, безъ стога покачнулся и мертвый свалился на траву.

— Бѣдняга! прошептала генераль, господа—припомните мнѣ вечеромъ, я самъ напишу его родителямъ, это честные люди съ моей родины.

Подошли стрѣлки подъ предводительствомъ полковника донъ-Винцента де-ла-Луба.

Какъ только увидѣлъ ихъ донъ-Фернандо, онъ еще выше приподнялся на стременинахъ и полною грудью воскликнулъ „ура“, подѣйствовавшее какъ электрическая искра на солдатъ.

Донъ-Винценте считался однимъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ.

Еще недавно, когда донъ Винценте былъ капитаномъ въ дивизіи донъ-Фернандо, одинъ отрядъ поссорился съ другимъ. Капитанъ этого не зналъ, ему казалось, что, исполнивъ свой долгъ, онъ можетъ спокойно уснуть и, раздѣвшись, онъ бросился на кровать.

Вдругъ ему послышался шумъ.

Босой, въ сорочкѣ, съ головой, обвязанной краснымъ шелковымъ платкомъ, сбѣжалъ онъ какъ можно скорѣе внизъ, и увидѣлъ, что люди его при свѣтѣ факеловъ забирали оружіе и готовились къ выходу.

Внезапное появленіе капитана смутило ихъ.

Одинъ изъ солдатъ, болѣе смѣлый, приблизился къ нему и крикнулъ:

— Посторонись, донъ-Винценте!

Въ глазахъ капитана блеснула огонь гнѣва, онъ схватилъ столикъ, стоявшій поодаль, и однимъ ударомъ по головѣ свалилъ бунтовщика на землю, а затѣмъ крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Стройся!

Бунтовщики съ минуту колебались, но, взглянувъ исподлобья на капитана, сразу поняли, что онъ шутить не любитъ, и на вторичный приказъ капитана немедленно взяли за ружья.

Капитанъ медленными шагами проходилъ мимо вытянутыхъ въ струнку солдатъ, пронизывая ихъ своимъ пламеннымъ взоромъ.

— Слѣдовало бы всѣхъ васъ, сказалъ онъ черезъ минуту, отдать подъ судъ, но я надѣюсь, что вы исправитесь. На этотъ разъ накажу только нѣ-

Итальянскіе горные стрѣлки въ засадѣ на скалахъ.

которыхъ. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... выходи номеръ десятый. Одиннадцать, двѣнадцать и т. д., выходи номеръ двадцатый.

Десятому пуля въ сердце.

Но солдаты выходили изъ ряда послушно, блѣдые, замершіе отъ страха. Усмѣшка пробѣжала по прекрасному лицу дон-Винценте.

— Ну, дѣтки, воскликнулъ онъ, — вѣдь вы же хорошіе малые и храбрые, прощаю васъ всѣхъ, ложитесь-ка спать.

Съ тѣхъ поръ солдаты его боготворили.

По приказу генерала, всѣ они смѣлѣе всѣхъ шли на штурмъ крѣпости, во главѣ со своимъ обожаемымъ капитаномъ.

Маленькій, худенькій, дон-Винценте принадлежалъ къ офицерамъ, ведущимъ скромную жизнь, — мало ѣлъ, крѣпкихъ напитковъ совсѣмъ не употреблялъ; у него были маленькія ножки, на всѣхъ пальцахъ рукъ кольца, маленькіе, черненькіе усики и развитыя челюсти, признакъ сильной воли.

Генераль зналъ, что значать стрѣлки подъ предводительствомъ дон-Винценте и поэтому-то и привѣтствовалъ ихъ такъ горячо и весело.

Но и они, несмотря на свою храбрость, поколебались.

Большая часть офицеровъ уже пала, солдаты нерѣшительно глядѣли на этотъ путь смерти и ужаса, по которому надо было идти впередъ.

— Что это съ вами, ребята? крикнулъ вдругъ стройный и ловкій молодой человекъ, съ темными глазами, искрившимися, какъ два уголька, съ черной какъ смоль бороною, обрамлявшей его красивое лицо.

— А, Пабло Доменехъ, закричали солдаты.

Неустранимая храбрость его была извѣстна всему войску.

— Что жъ это вы боитесь? Эхъ вы! — говорилъ онъ не спѣша, смѣло идя впередъ; онъ вынулъ свой кисеть съ табакомъ, свернулъ сигару, положивъ ее за ухо, свернулъ другую, закурилъ, потомъ оглянулся вокругъ.

Товарищи его все колебались; тогда онъ заложилъ ружье на плечо, а руки въ карманы и сталъ прогуливаться спокойно, какъ будто совершая обыкновенную прогулку и какъ будто карлисты стрѣляли горохомъ, а не пулями.

Дрожь пробѣжала по рядамъ солдатъ, потомъ, вдругъ, они двинулись и съ страшнымъ крикомъ ринулись за Пабло.

Генераль не спускалъ глазъ съ поля битвы.

Натискъ былъ неожиданъ и рѣшилъ побѣду

Во французском окопѣ.

— Идетъ на штурмъ и курить... въ такую минуту... Увлечъ ихъ... бѣгутъ за нимъ на штурмъ... Сколько еще на ногахъ! Ура! укрѣпленіе взято! Побѣда за нами! Приведите этого смѣльчака.

Адъютантъ прищпорилъ коня и скоро вернулся съ Пабло Доменехомъ, чернымъ отъ дыма.

— Почетный крестъ!

Пабло кланяется съ граціей и достоинствомъ, свойственными испанцу, но радость его не взволновала, также какъ и пули не испугали его.

— Ты волшебникъ, что безъ всякаго страха пошелъ на штурмъ укрѣпленія?

— Да, генераль.

Офицеры улыбнулись.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты неприкосновененъ, и пули не могутъ тебѣ повредить?—засмѣялся и генераль.

— Пули ничего не подѣлаютъ со мною, меня хранить талисманъ, который я получилъ отъ своей невѣсты.

У Пабло былъ мягкій и пріятный голосъ, выраженіе лица немного насмѣшливое, губы тонкія и подвижныя; всѣ съ удовольствіемъ глядѣли на прекраснаго юношу.

— Ну, тогда проси большой крестъ святаго Фернанда, который не разъ уже вѣнчалъ лаврами подвиги храбрыхъ, сказалъ генераль.

На этотъ разъ яркій румянецъ покрылъ блѣдное лицо Пабло, зрачки его загорѣлись, ноздри расширились, такъ что стали прозрачными, грудь быстро поднялась, и только губы были слегка сжаты.

Крестъ святаго Фернанда!

Нужно самому просить объ этомъ отличіи и доказать, что достоинъ его.

Адвокатъ защищаетъ интересы ордена, отрицая на него права того, кто хлопочетъ объ этомъ отличіи, пока предводители не докажутъ суду,

что дѣла просящаго достойны этой высокой награды.

Крестъ этотъ носятъ подъ мундиромъ, пришитымъ къ подкладкѣ его, а не сверху.

Нѣсколько дней спустя Доменехъ стоялъ подлѣ одного изъ своихъ товарищей, который, положивъ листъ бумаги на барабанъ, помѣщавшійся между его колѣнами, писалъ подъ его диктовку.

Большимъ горемъ для Пабло, какъ и для всѣхъ вообще, испанскихъ солдатъ была безграмотность.

„Дорогая моя Пакита! диктовалъ Пабло. Надѣюсь, что ты здорова и что все идетъ такъ, какъ ты желаешь. Я здоровъ, мнѣ дали крестъ св. Фернанда, за что—не знаю. Дѣло было такъ: генераль спросилъ меня, не застрахованъ ли я отъ пуль? Я показалъ ему святой образокъ, который ты мнѣ дала. И вотъ у меня крестъ. Надѣюсь, что черезъ четыре недѣли буду свободенъ, и, если ты меня не забыла еще, то сыграемъ свадьбу. Твой Пабло Доменехъ.“

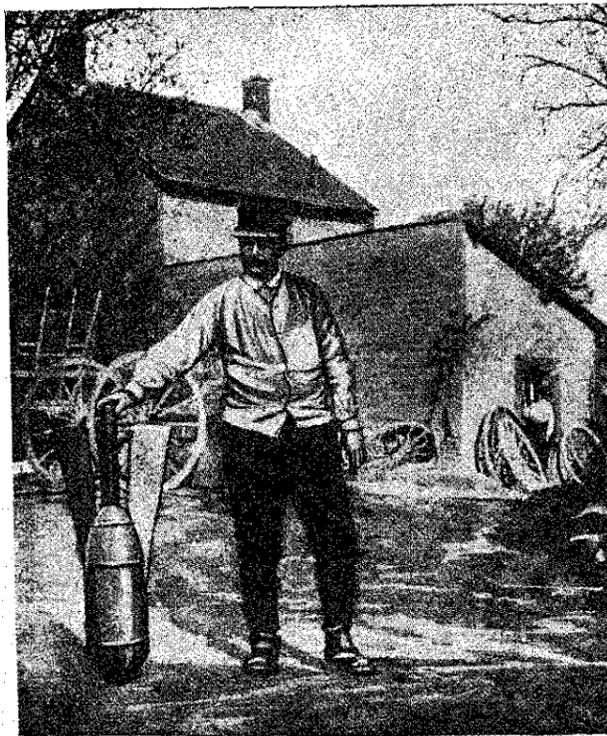
Было еще далеко до срока, назначеннаго Пабло, когда однажды комендантъ призвалъ его къ себѣ.

— Полковой врачъ желаетъ взять тебя въ деньщики къ себѣ, мой другъ.

— Господинъ комендантъ, освободите меня, прошу васъ, отъ этого, я не могу служить, я дворянинъ родомъ и самъ владѣю землею, не могу я быть слугою!..

— Пабло! Ты, примѣрнѣйшій, послушнѣйшій солдатъ во всемъ полку, отказываешься исполнить желаніе начальства! Подумай, это вѣдь тоже королевская служба.

Пабло поблѣднѣлъ.

Французская аэроторпеда.

— Слушаю, господинъ комендантъ,—сказалъ онъ вполголоса, съ печальной улыбкой.

Вечеромъ явился онъ къ полковому врачу.

— Общаю быть, ваше благородіе, вѣрнымъ слугою. Хотѣлъ бы попросить васъ только кое о чемъ.

— Говори, братецъ.

Полковой врачъ, донъ-Рамонъ Эгтебаргесъ, былъ прекраснымъ хирургомъ.

Высокій, полный, съ румянымъ лицомъ, бѣлокурыми и торчащими усами, свѣтло-сѣрыми глазами, онъ охотно волочился за хорошенькими женщинами, былъ добръ, хотя и вспыльчивъ.

— Я никогда не пожалуюсь, что много работы, отвѣтилъ Пабло съ нѣкоторымъ колебаніемъ въ голосъ; буду дѣлать все, что прикажете. Можете бранить и сердиться на меня, сколько вамъ угодно.. Объ одномъ лишь прошу,—пусть никогда рука ваша не поднимется на меня. Я хочу быть неприкосновеннымъ, какъ въ бою. О, если вы не исполните моей просьбы!—съ отчаяніемъ прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ можешь ты допустить чтонибудь подобное? Я всегда буду хорошо обходиться съ тобой.

— Я предупредилъ васъ. Никогда нельзя предвидѣть того, что случится, а этого я не перенесу. Вы не забудете этого, правда?

— Разумѣется, мой другъ, я совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, знаю, что тебѣ можно вѣрить, вѣрь же и ты мнѣ.

Пабло вышелъ и усердно и добросовѣстно принялся исполнять свои обязанности. Но веселое выраженіе исчезло съ его лица, радостныя слова замерли на его устахъ.

— Что подѣлываетъ Доменехъ? спросилъ комендантъ врача.

— Для меня онъ мать родная,—отвѣтилъ докторъ.—Доменехъ думаетъ за меня. Своимъ хладнокровіемъ онъ учитъ меня терпѣнію. Прозорливъ, не болтунъ, словомъ—кладъ.

Пабло дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы усладить своему господину его тяжелыя обязанности.

Когда докторъ возвращался домой изъ амбулаторнаго зала съ сердцемъ, сжимавшимся при воспоминаніи о сильномъ юношѣ, испутившемъ послѣдній вздохъ на его глазахъ, или объ отцѣ, вышедшемъ калѣкой на всю жизнь, часто нервы у него разстраивались, онъ становился нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ. Но Пабло всегда былъ ровнымъ, спокойнымъ.

— Сегодня вечеромъ въ семь часовъ приготовь ужинъ. У меня трудная операція сегодня,—сказалъ однажды донъ-Рамонъ Пабло.

Пабло заботливо приготовилъ вечернюю закуску. Поджаренное мясо ровно въ семь часовъ

Послѣ боя между французами и нѣмцами. Германскій пѣвникъ во французской траншеѣ.

уже было готово, и соблазнительный запахъ расходился по всей комнатѣ.

Но докторъ не возвращался.

Опечаленный Пабло прикрылъ блюда, чтобы не стыли.

Хотѣлъ было подогрѣть ужинъ, но рѣшилъ, что его господинъ можетъ вернуться черезъ минуту и тогда лучше, если онъ застанетъ холодное кушанье, чѣмъ пережаренное.

Онъ то садился у порога дома, то возвращался въ комнату. Пробыло восемь часовъ, половина девятаго, а докторъ не приходилъ. Небо покрылось тяжелыми тучами, предвѣщавшими бурю, темнѣло быстро.

Наконецъ-то показалась фигура донъ-Рамона. Докторъ шель быстрыми шагами, какъ это бывало съ нимъ, когда онъ былъ разстроены.

Какъ сумасшедшій вбѣжалъ онъ въ комнату, бросилъ шапку въ уголъ, усѣлся на единственномъ креслѣ, находившемся въ квартирѣ, отодвинулъ отъ себя лампу и придвинулъ тарелки съ кушаньемъ.

Пабло замѣтилъ, что кушанье уже не такъ вкусно, такъ какъ давно приготовлено. Донъ-Рамонъ не слышалъ замѣчанія, наливалъ стаканъ за стаканомъ, пилъ, кричалъ, что помощники его—ослы, солдаты негодяи, а Красный Крестъ доставляетъ плохіе бандажы.

— Что за гадость,—закричалъ докторъ, попробовавъ мясо.—Только и годится для собакъ!

Онъ выплюнулъ все, бросилъ блюдо на полъ и ударилъ въ лицо Пабло.

Пабло выбѣжалъ. Гроза бушевала. Докторъ моментально протрезвился. Что онъ сдѣлалъ? Боже! Боже!

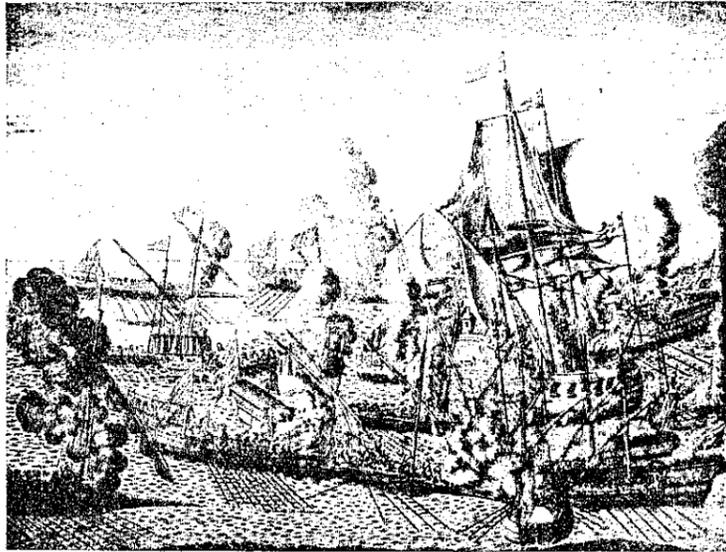
Пристыженный, разглядывалъ онъ разбросанные на землѣ остатки ѣды и осколки разбитой посуды.

Онъ подошелъ къ окну, въ которое съ силой ударили капли дождя, вынулъ часы и только теперь замѣтилъ, что опоздалъ къ ужину на цѣлыхъ полтора часа.

Онъ вдругъ почувствовалъ утомленіе и огорченіе, почувствовалъ боль въ сердцѣ и сожалѣніе о томъ, что случилось. Каждую минуту онъ смотрѣлъ на часы, ожидая возвращенія Доменеха.

— Фатальный день, прошепталъ, наконецъ, донъ-Рамонъ, столько неудачныхъ операций, и еще эта исторія.

Теперь только припомнилъ онъ свои частые припадки гнѣва на Пабло, которые тотъ снѣсилъ безропотно.

«Баталія близъ Гангута» между русскимъ и шведскимъ флотами въ 1714 году. (Рѣдчайшая литографія).

— Да, да, говорилъ онъ про себя, нужно вознаграждать его за эту несправедливость. Подарю красивое колечко для невѣсты, помогу обзавестись хозяйствомъ...

Но напрасно останавливался онъ ежеминутно, напрасно настораживалъ уши при малѣйшемъ шорохѣ: не слышно было шаговъ Пабло; только дождь лилъ ливнемъ и вливался въ комнату черезъ открытое окно.

Утомленный долгимъ бодрствованіемъ, докторъ бросился, наконецъ, на постель и погасилъ свѣчу.

Долго, однако, сонъ бѣжалъ его очей, онъ безпрестанно просыпался, пока, наконецъ, физическая усталость не взяла свое, и онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Пабло, между тѣмъ, бѣгалъ по лѣсу, какъ сумасшедшій. Замѣтивъ при свѣтѣ молніи крестъ, онъ сталъ на колѣни и попробовалъ молиться. Но молитва не шла ему на умъ, одна мечь занимала его. Мечь человѣку, который безъ вины ударилъ

его въ лицо, его, гордаго Пабло, свободного Пабло, неприкосновеннаго Пабло. Онъ вспомнилъ, что христіанская религія предписываетъ терпѣніе и прощеніе, онъ зналъ, что, если отомститъ, то погибнетъ навѣрное.

— О, моя милая Пакита, моя дорогая, шепталъ онъ. Они разстрѣляютъ меня, какъ пса, какъ разбойника...

Такъ говорилъ онъ самъ съ собой, а щеки его горѣли, и потоки дождя не въ состояніи были смыть позоръ пощечины. Онъ бросился на землю, грызъ траву, бился головой о крестъ, но все напрасно—казалось, расплавленная мѣдь текла въ его жилахъ. Голова и грудь хотѣли разорваться на части. Временами онъ широко, широко раскрывалъ ротъ, чувствуя, что задыхается, и ударялъ себя кулаками въ грудь, чтобы легче было вздохнуть!

— А вѣдь я его предупреждалъ, просилъ; онъ не обратилъ никакого вниманія. Отчего? Оттого, что раненый человѣкъ умеръ подъ его рукою? Чѣмъ же я то виноватъ!..

Пощечина оподлила его, какъ ему казалось, навсегда. Развѣ можно пасть еще ниже? Такая ненависть къ донъ-Рамону овладѣла всѣмъ его существомъ, что онъ готовъ былъ сейчасъ же броситься не него и задушить въ постели. Но, нѣтъ, нѣтъ, не такъ, не такъ, иначе нужно сдѣлать.

Пабло сѣлъ на камень, не обращая вниманія на воду стекавшую съ его одежды, и началъ нервно дергать бороду, такъ будто желалъ избавиться отъ нея.

Получить крестъ за храбрость, отличіе за разные подвиги—и теперь поступить, какъ подлый человѣкъ? О! Но поступокъ донъ-Рамона былъ еще гнуснѣе! Пабло былъ безоруженъ, а тотъ обезчестилъ его. Въ эту минуту онъ ненавидѣлъ и коменданта, который унижилъ его, заставивши служить его, гордаго и свободного. А между тѣмъ онъ очень любилъ своего коменданта,

— для него совершилъ онъ не одинъ геройскій подвигъ, ради него же онъ принялъ это унижающее положеніе, бросился бы въ огонь за него и для него.

— О, донъ-Винценте, донъ-Винценте, говорилъ онъ громко,—я люблю тебя, потому что ты герой. Зачѣмъ ты такъ много потребовалъ отъ меня? Если я совершу, что постановилъ, ты вѣдь велишь меня разстрѣлять, самъ будешь очень огорченъ. Но не могу я поступить иначе.

Жаръ усиливался, рыданія потрясали его грудь. Онъ ударялъ ногою о землю, скрежеталъ зубами, потомъ всталъ и побѣжалъ дальше. Въ дикомъ ущельи оперся онъ о скалу, обливаемую дождемъ, хотѣлъ отдѣлать себя большимъ пространствомъ отъ донъ-Рамона, чтобы не сдѣлать того, къ чему былъ вынужденъ. Ничто, кромѣ смерти, не могло смыть его безчестья, убить же—значило погибнуть самому.

Онъ вспомнилъ свою милую невѣсту. Какъ она будетъ плакать, когда узнаетъ о его смерти. А

развѣ онъ посмѣлъ бы поцѣловать ее теперь? Онъ, получившій пощечину? Снова нѣсколько разъ провелъ онъ рукавомъ по лицу, какъ бы желая смыть то, что его запятнало. Но вода, даже падающая съ неба, не смываетъ позора.

Дождь съ шумомъ лилъ въ ущелье. Ручьи стекали со скалъ и сливались въ долины въ пѣнящіеся потоки.

Наконецъ, свѣтъ показался на небѣ. Пабло поднялъ глаза вверхъ. Во рту у него было горько, въ глазахъ дикая печаль, — такую бываетъ, навѣрно, Немезида, когда коснется переполненной преступленіями земли и пожелаетъ уничтожить тѣхъ, которые считаютъ себя въ безопасности. Пабло хотѣлъ отыскать крестъ, у котораго ночью молился, но, не найдя его, сталъ на колѣни передъ другимъ, на которомъ висѣлъ увядшій вѣнокъ.

— Господи, произнесъ онъ, — прости бѣднаго грѣшника, который меня ударилъ, а также того несчастнаго, который не умѣетъ перенести без чести...

Въ воскресенье совершались обыкновенно военные парады. Войско стояло рядами. Генераль донъ Фернандо, окруженный штабомъ, проѣзжалъ мимо галопомъ. Измятая лошадиными копытами, мокрая отъ дождя, трава разливала благоуханіе. Тучи разсѣялись.

— Здравствуйте, ребята! крикнулъ генераль.

Солдаты отвѣтили ему громкимъ крикомъ:

— Да здравствуетъ генераль!

Онъ поглядѣлъ на нихъ ласково, замѣтилъ Пабло, удивился его печальному лицу, но вскорѣ забылъ о немъ. За нимъ слѣдовали адъютанты, офицеры, врачи... Пабло стоялъ въ ряду. Никто не замѣчалъ, какимъ жаднымъ взоромъ слѣдилъ онъ за донъ-Винценте, который одинъ обратилъ вниманіе, что его солдатъ не надѣлъ своего креста, но онъ не могъ видѣть, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ до сихъ поръ крестъ, сердце бьется сильно.

Вотъ донъ-Рамонъ. Пабло вдругъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ три шага впередъ, навелъ ружье, еще моментъ и раздался выстрѣлъ.

Донъ-Рамонъ, раненый въ сердце, повернулся лицомъ къ нему, открылъ было ротъ, но упалъ съ коня, не испустивъ ни одного вздоха.

Пабло бросилъ ружье на землю, скрестилъ руки, опустил голову на грудь и ожидалъ, чтобы его арестовали.

Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы, не сошелъ ли онъ съума? Всѣ съ безпокойствомъ ждали разрѣшенія загадки.

Въ полдень арестованнаго привели въ военный судъ.

— Добровольно убилъ донъ-Рамона?

— Добровольно.

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Далъ пощечину.

Всѣ переглянулись.

Побѣда Александра I въ 1814 году. (Рѣдчайшая гравюра).

— А за что онъ тебя ударилъ?

— Не знаю.

— Безъ причины ударилъ?

— Безъ причины.

— Это невозможно.

Пабло разсказалъ все какъ было.

Хотѣли найти смягчающія обстоятельства, спросили обвиняемаго:

— Ты зналъ, что ружье было заряжено?

— Самъ его зарядилъ.

— И явился на смотръ съ намѣреніемъ убить его?

— Да.

— И не подумалъ, что будешь за это разстрѣлянь?

— Зналъ объ этомъ.

Едва замѣтное подергиваніе на лбу выдавало его волненіе.

Офицеры долго совѣщались, но законъ былъ неумолимъ.

— Завтра съ восходомъ солнца ты, Пабло Доменехъ, будешь разстрѣлянь.

На лицѣ осужденнаго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Съ широко открытыми глазами спокойно выслушалъ онъ свой смертный приговоръ.

Последнюю ночь онъ провелъ со священникомъ, которому вручилъ свой крестъ и святой образокъ для передачи дорогой Пакитѣ.

— Онъ прекрасно меня защищалъ отъ пули, проговорилъ Пабло, но не могъ защитить отъ пощечины.

Одни осуждали, другіе восхваляли поступокъ Пабло, а когда разсвѣло, всѣмъ было какъ то тяжело на сердцѣ.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Положеніе хуже губернаторскаго.

Надъ Сорромостромъ, на возвышеніи, было расположено маленькое, запущенное кладбище, между двумя холмиками, покрытыми лѣсомъ, съ котораго виденъ Бискайскій заливъ.

Поверхность моря блестяла вдали, старая кладбищенская ограда была покрыта роскошной растительностью, мхомъ и цвѣтами, слегка розоваго цвѣта. Столѣтніе дубы перешептывались, склоняясь отъ морскаго вѣтра, а птицы весело распѣвали, купаясь въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

Вдругъ послышались мѣрные и твердые шаги, раздались заглушенные звуки барабановъ.

Это войско. Во главѣ—знаменитый полкъ гусаровъ Парца и Примеса, уланы, затѣмъ артиллерія, состоявшая изъ красивыхъ, храбрыхъ, съ желѣзными мускулами аррагонцевъ.

За ними слѣдовали стрѣлки изъ Гаванны, отъ которыхъ отдѣлили девять саперовъ и помѣстили ихъ вблизи кладбища.

Явились тѣ, которые участвовали съ Пабло въ штурмъ.

Среди глухого молчанія слышны были только короткія, отрывистыя приказанія.

Тишина была такая, что, кажется, можно было разслышать удары собственного сердца.

Тихимъ голосомъ донъ-Винценте отдалъ приказаніе саперамъ отдѣлиться, лицо его измѣнилось до неузнаваемости, казалось, кожа прилежала къ самимъ костямъ.

По рядамъ пробѣжала дрожь.

Всѣ смотрѣли на священника, который въ праздничной одеждѣ медленно восходилъ на ступеньки маленькаго, наскоро устроеннаго алтаря.

Двѣ восковыя свѣчи горѣли блѣднымъ свѣтомъ среди блеска яснаго дня.

За священникомъ шель Пабло, со связанными назади руками.

Шель, какъ обыкновенно, твердыми шагами, гордо. На колѣняхъ предъ алтаремъ выслушалъ онъ обѣдню, причастился. Вставши со ступенекъ алтаря, онъ окинулъ послѣднимъ взглядомъ лѣсистыя горы, океанъ. Его спросили, нѣтъ ли у него какого нибудь желанія.

— Есть, прошу коменданта донъ-Винценте подать мнѣ руку.

— Съ радостью, отвѣтилъ генераль.

Пабло подвели къ коменданту и по данному имъ знаку развязали веревки, связывавшія руки плѣнника; рука командующаго пожала руку солдата. Комендантъ плакалъ. Пабло былъ спокоенъ.

— Уже?—спросилъ онъ твердымъ голосомъ коменданта.

Донъ-Винценте кивнулъ головой. Пабло подошелъ къ саперамъ, съ каждымъ простился. У всѣхъ были слезы на глазахъ. Осужденный спокойно приблизился къ стѣнѣ, поднялъ свой взоръ на солнце и самъ скомандовалъ громкимъ голосомъ:

— Пали!

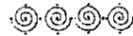
Раздались выстрѣлы, Пабло не стало.

Генераль отдалъ приказаніе войску продефелировать мимо гроба.

— Убитому не будетъ легче, сказалъ генералу одинъ французъ.

— Этого требовала военная дисциплина, во первыхъ,—во вторыхъ, лучше сохранится въ памяти офицеровъ сегодняшній день.

Пусть они запомнятъ, что никогда не слѣдуетъ оскорблять того, кому нельзя дать удовлетворенія.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Охота за голубемъ.

Походъ 1814 года.

Послѣ сраженія подь Лейпцигомъ казалось, что для Наполеона не оставалось уже никакого другого исхода, кромѣ заключенія мира, но походъ 1814 года доказалъ противное, и никогда еще наполеоновскій геній не совершалъ такихъ чудесъ, какъ въ эту компанію.

Смѣлость наполеоновскихъ плановъ, быстрота движеній, неожиданная нападешя на непріятели, довѣріе, которое онъ могъ внушить истощенной Франціи и своимъ полуодѣтымъ войскамъ, — все это до такой степени необыкновенно, что заставляетъ историковъ преклоняться предъ удивительными талантами величайшаго изъ полководцевъ.

Въ концѣ января 1814 года Наполеонъ прибылъ въ Шалонъ и, владѣя всего сорокатысячной арміей, вѣрзался между вторгнувшимися во Францію непріятельскими арміями.

Послѣ небольшой стычки за обладаніе городомъ Сентъ-Дизье, кампанія началась битвой подь Бриенномъ, гдѣ Блюхеръ, командовавшій союзной арміей, несмотря на стойкость русской пѣхоты, долженъ былъ поспѣшно отступить.

За сраженіемъ подь Бриенномъ быстро слѣдовали бои около Шампобера и Монмирайля, окончившіеся побѣдою Наполеона. Битва подь Монмирайлемъ была гораздо серьезнѣе шампоберской, такъ какъ къ пруссакамъ подошли значительныя подкрѣпленія.

Бой начался около полудня 11-го февраля сильнѣмъ артиллерійскимъ огнемъ, подь прикрытіемъ котораго Наполеонъ лично повелъ рѣшительную атаку, противъ находящихся подь командою Блюхера русскихъ войскъ въ то самое время, когда маршалъ Мортъе завязалъ перестрѣлку съ пруссаками.

Къ вечеру непріятели уже отступали въ безпорядкѣ къ Шато-Тьерри.

Обѣ эти побѣды покрыли Наполеона, какъ полководца, неувядаемой славой, но не могли спасти Францію, наводненную войсками союзниковъ, которые, то отступая, то вновь подвигаясь впередъ, медленно подходили къ Парижу.

Цѣлый рядъ самыхъ упорныхъ сраженій выдержалъ Наполеонъ, окруженный своими врагами, взялъ Нанжи, разбилъ Блюхера подь Краономъ; но сила была уже на сторонѣ союзниковъ, и рано или поздно

геній долженъ былъ покориться своей судьбѣ, что прекрасно сознавалъ самъ великій полководецъ.

Событія слѣдовали одно за другимъ чрезвычайно быстро, и уже ночью, послѣ битвы при Краонѣ, когда Наполеонъ остановился въ гостиницѣ, носившей названіе «Ангела Хранителя», изъ Шантильона прибылъ гонецъ, доставившій новыя условія перемирія отъ союзнаго конгресса.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

Адмиралъ Тирпицъ — пиратъ XX-го вѣка и его знамя.

Однако, Наполеонъ хорошо зналъ, что союзники увеличивали свои требованія съ каждой одержанной ими побѣдой, а между тѣмъ, потерпѣвъ поражение, не находили нужнымъ уменьшать ихъ.

Онъ зналъ также, что коалиція задалась цѣлью—во что бы то ни стало, его уничтожить.

По временамъ онъ видѣлъ себя стоящимъ надъ пропастью, а потому, когда маршалъ Ней вошелъ за отвѣтомъ для ожидавшаго курьера, Наполеонъ, продолжая размышлять о неизбѣжномъ паденіи въ пропасть, сказалъ: «Постараюсь быть послѣднимъ изъ числа тѣхъ, кого она поглотитъ».

Проговоривъ эти слова, императоръ повернулся къ камину и вновь задумался, а курьеръ, не получившій никакого отвѣта, уѣхалъ обратно.

Борьба за освобожденіе Франціи отъ непріятельскихъ полчищъ продолжалась еще цѣлый мѣсяць, но казалась уже предсмертной агоніей Наполеона, который, хотя и взялъ еще Реймсъ, но не могъ спасти Парижъ, куда, союзники торжественно вступили 31-го марта, а 6-го апрѣля тотъ, передъ кѣмъ трепетала вся Европа, подписалъ отреченіе отъ престола, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ къ восстановленію европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ престола Франціи и Италіи, такъ какъ нѣтъ такихъ личныхъ жертвъ, предъ которыми бы онъ отступилъ, ради блага Франціи».

Этимъ политическимъ актомъ и закончилась кампанія 1814 года.

ЗАВТРАКЪ СЪ УЭЛЬСОМЪ.

Жозефъ Гальтье на страницахъ «Temps» описываетъ свой завтракъ съ извѣстнымъ Уэльсомъ.

Въ разговорѣ коснулись настоящаго положенія Англій.

— Чтобы ясно представить себѣ всю колоссальность военныхъ приготовленій, нужно быть не въ Лондонѣ, — говоритъ Уэльсъ, — надо поѣхать въ деревни, дающія намъ безчисленные ряды нашихъ храбрыхъ солдатъ. Нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы жили люди, не захваченные общими порывомъ.

Два моихъ малыша (семи и одиннадцати), уже изучаютъ гранату и ея составныя части.

Уэльсъ собирается во Францію, но его страшно стѣсняетъ незнаніе языка.

Меня особенно интересуетъ авіація; она оказала намъ незамѣнимыя услуги, и, я увѣренъ, окажетъ еще большія. Она вышла уже изъ періода формаціи, и скоро, очень скоро моя греза о флотѣ воздушномъ, безчисленномъ и могучемъ, сдѣлается реальной.

Какъ дорого оплачены первые успѣхи авіаціи! Сколькими трупами усѣяно было ея побѣдное шествіе.

Но это — участь всѣхъ открытій. Къ счастью, эти открытія ока-

ИЗЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Бой подъ Тюренченомъ. Русскій отрядъ во главѣ со священникомъ Щербаковскимъ идетъ въ атаку.

жутъ неоцѣнимыя услуги человѣчеству.

Скоро наступитъ время, когда исчезнутъ тяжелыя неповоротливыя земныя батареи. Ихъ замѣнятъ воздушныя, быстрыя, неуловимыя.

Все позволяетъ надѣяться, что первенство въ этомъ родѣ оружія останется за нами. Франція имѣетъ превосходныя аэропланы, но наши авіаторы, наши фабрики, все же имѣютъ очень мало соперниковъ.

Наша «Central training school» полна кипучей дѣятельности. Все, что намъ нужно, это — только пилоты, пилоты и пилоты.

Карлъ Бонапартъ, отецъ Наполеона.

И главное, что нужно, — не опытные мальчики, а знающіе люди, потому что малѣйшая неосторожность губитъ аэропланы.

Если наши аэропланы по меньшей мѣрѣ, не уступаютъ вражескимъ, — нашъ персоналъ значительно выше нѣмецкаго.

Здѣсь важна прежде всего, инициатива, а характерная черта германскаго солдата — слѣпое повиновение дисциплинѣ. Это хорошо для цеппелиновъ, гдѣ можетъ существовать высшая власть шефа, но для пилота прежде всего надо умѣть мгновенно принимать то или иное рѣшеніе самому, не ожидая поддержки.

Въ заключеніе Уэльсъ выразилъ увѣренность, что въ настоящей войнѣ большую, если не главную, роль придется сыграть авіации, и поэтому всѣ усилія правительства должны быть направлены на возможно болѣе широкое и полное развитіе ея.

АВСТРІЙСКІЕ ГЕНЕРАЛЫ И... СПИРИТИЗМЪ.

Одинъ изъ командующихъ австрійской арміей на нашемъ фронтѣ генералъ Пухалло, оказывается, не только скверный стратегъ, но и... невѣрный, хотя и увлекающійся оккультными тайнами, гипнотизеръ.

Шведскій журналъ «Vecko-Journalen» рассказываетъ:

«Командующій австрійской арміей на восточномъ фронтѣ Пухал-

ло, кажется, не столько довѣряетъ тактическимъ и стратегическимъ наукамъ, сколько гипнотизму и спиритизму. По крайней мѣрѣ — въ штабѣ этого генерала среди другихъ адъютантовъ находится и одинъ невзрачный интендантскій чиновникъ, родомъ венгерецъ, приглашенный командующимъ арміей специально на роли... медиума и, благодаря этому, пользующійся особымъ расположеніемъ Пухалло. Очень часто главнокомандующій (кстати, питающій слабость во время похода располагаться со штабомъ въ замкахъ польскихъ магнатовъ и старающійся свою спальню устраивать въ комнатахъ, гдѣ висятъ фамиліные портреты предковъ владѣльца замка) вмѣсто военныхъ совѣтовъ запирается вдвоемъ со своимъ медиумомъ и вызываетъ духовъ для разспросовъ, гдѣ русскіе? Однако, очевидно, австрійскій генералъ совсѣмъ не въ фаворѣ у духовъ, — ядовито замѣчаетъ стокгольмскій журналъ, — потому что, несмотря на содѣйствіе потустороннихъ обывателей, Пухалло не можетъ похвастаться побѣдами надъ русскими войсками».

НАГРАДА ГЕРОЮ.

Всѣ англичанки распѣвають теперь пѣсенку, призывающую молодыхъ людей записываться добровольцами въ армію.

Ее исполняютъ во всѣхъ театрахъ и мюзикъ-холлахъ извѣстнѣйшія англійскія пѣвицы.

Когда на-дняхъ, въ одномъ изъ театровъ миссъ Кэтъ Гальбрукъ дошла до словъ: «мы — женщины, — станемъ привѣтствовать, благодарить, цѣловать васъ, когда вы вернетесь съ полей сраженія...» на галлереѣ послышался шумъ, кто-то застучалъ каблуками, и черезъ секунду у рампы появился молодой солдатъ.

Хотя на немъ уже не было гонимъ, видно было, что онъ недавно изъ лазарета.

На выбритой головѣ краснѣлъ едва зарубцевавшійся шрамъ.

— Я пришелъ за обѣщанной наградой.

Очаровательная миссъ Гальбрукъ граціозно наклонилась съ подмостковъ и подъ восхищенный грохотъ аплодисментовъ звонко поцѣловала смутившагося героя.

Русские евреи во время войны 1812 г.

Первое крупное испытание в военное время евреям пришлось пережить во время Отечественной войны 1812 года. При тогдашних способах ведения войны, отсутствии путей сообщения, карт, обыкновении Наполеона

ципль,—читаем мы у историка той эпохи, — главенствовал над всеми проявлениями жизни; общественные отношения, семейный быт, строй воспитания — все проникнуто было религиозным началом, наполнявшим собою

грозными событиями, были общепризнанные учителя жизни, духовные вожды народа, его вѣручители.

Что все расчеты неприятеля на содействие еврейского населения ошибочны, в этом французские офицеры убедились очень скоро. В мемуарах участников наполеоновской армии имеется тому множество доказательств. О том же рассказывают и современники-русские. «Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и

Кошмаръ полководца. Тѣни жертвъ Наполеоновскихъ войнъ преслѣдуютъ великаго корсиканца.

содержать свою армию за счет населения страны, в которой его войска находились, позиция евреев, державших в своих руках всю торговлю западной окраины, представляла огромное значение.

Вся жизнь тогдашняго еврейства, жившаго в тѣсно замкнутомъ кругу своихъ еврейскихъ интересовъ, обособленно отъ окружающихъ христіанскихъ народовъ, всецѣло опредѣлялась религіею народа. «Религіозный прин-

атмосферу, которою дышало и жило тогдашнее русское еврейство. Все мирское, земное имѣло значеніе и цѣну постольку, поскольку оно было необходимо для главнаго — служенія Богу, изученія и соблюденія Его закона». Истолкователями же Божескаго закона и обусловливаемой послѣднимъ линіи поведенія въ здѣшней, земной жизни, особенно въ тяжелыя минуты ея, когда простой смертный останавливается в недоумѣніи передъ надвинувшимися

привязанностью, которая выказывали намъ евреи», — писалъ полковникъ А. Х. Бенкендорфъ. «Приверженность евреевъ была намъ очень полезна», — отмѣчалъ ген. гр. Ланжероу командовавшій корпусомъ въ арміи Чичагова. И не даромъ ген. Соколыницкій, какъ мѣстный полякъ, лучше знавшій настроеніе рускаго еврейства, — онъ за вѣдывалъ военной полиціей въ штабѣ Наполеона, — не хотѣлъ употреблять для развѣдочной службы евреевъ: «онъ

Изъ русско-турецкой войны 1877 года.

считалъ ихъ, какъ пишетъ его бывший адъютантъ гр. Солтыкъ, особенными приверженцами русскаго правительства».

Но, отказываясь нести развѣдочную службу для непріятеля, евреи дѣлали все возможное для русской арміи. Военской повинности они тогда еще не подлежали (она была введена позднѣе, при императорѣ Николаѣ I), такъ что драгаться въ рядахъ дѣйствующей арміи они не могли. Правда, и въ этомъ отношеніи были исключенія, — отдѣльные евреи шли въ русскую армію добровольцами. Какъ велико было ихъ число, неизвѣстно, но о евреяхъ-добровольцахъ встрѣчаются указанія въ мемуарахъ современниковъ, — между прочимъ, въ запискахъ знаменитаго партизана Дениса Давыдова.

Гораздо существеннѣе, однако, такого содѣйствія отдѣльныхъ лицъ была помощь, которую оказывало русской дѣйствующей арміи еврейское населеніе въ цѣломъ. Эта помощь сказалась прежде всего въ организаціи доставленія командирамъ русскихъ войскъ свѣдѣній о непріятелѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Отечественной войны полк. Поликарповъ констатируетъ, что «главную роль въ производствѣ тайныхъ развѣдокъ играли мѣстные евреи», и благодаря имъ, «мы своевременно знали не только о передвижнѣяхъ и о мѣстахъ квартированія французскихъ войскъ, но даже о тѣхъ пунктахъ, у которыхъ Наполеонъ намѣтилъ переправу своихъ войскъ черезъ р. Нѣманъ». Охраненіе Березинскаго и Огинскаго каналовъ во время отступленія француз-

кой арміи было всецѣло дѣломъ евреевъ. Последніе во многихъ случаяхъ указывали такую находчивость, можно сказать, часто стратегическую сообразительность, которой поражаются военные специалисты. Когда французы, послѣдшне отступая, разрушили мостъ у Лепеля, мѣстные евреи общими усилиями навели новый мостъ. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ партизанъ Сеславинъ чуть не захватилъ въ плѣнъ Наполеона въ г. Ошмянахъ. Навели Сеславина на этотъ слѣдъ еврей-же. Въ мемуарахъ французскаго генерала Пуже имѣется указаніе, что только евреямъ

Мечъ дѣда. (Польскій рисунокъ).

русскія войска были обязаны взятіемъ Витебска и т. д. и т. д.

Насколько русское правительство считало важнымъ, вообще, содѣйствіе евреевъ, свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что при императорской главной квартирѣ состояли два еврея: Зундель Зоненбергъ и Лейзеръ Диллонъ, которые носили официальное званіе «депутатовъ еврейскаго народа» и, въ качествѣ таковыхъ, исполняли всевозможныя порученія либо сами, либо передавая ихъ отдѣльнымъ евреямъ, или цѣлымъ еврейскимъ общинамъ. Названные еврейскіе представители сопровождали императорскую квартиру во всѣхъ ея передвиженіяхъ и за свою дѣятельность удостоивались неоднократно одобрительныхъ отзывовъ. Они послѣдовали даже за императоромъ въ 1814 г. за границу, и въ аудіенціи, данной имъ 29 іюля того же года, въ Брухзалѣ, императоръ Александръ I «выразилъ еврейскимъ кагаламъ свое милостивѣйшее расположеніе».

Любопытный, но показательный фактъ. Извѣстный партизанъ Денисъ Давыдовъ, занявъ Гродну, ввѣрилъ охрану города мѣстному кагалу. Въ изданномъ по этому поводу объявленіи, онъ писалъ: «Приказываю всемъ и во всемъ относиться къ еврейскому кагалу. Зная преданность евреевъ къ русскимъ, я избираю кагалнаго въ начальники высшей полиціи и возлагаю на него отвѣтственность за всякаго рода безпорядки, могущіе возникнуть въ городѣ». О преданности евреевъ къ русскому правительству и оказанныхъ ими услугахъ свидѣлствовали въ одинъ голосъ представители русской власти въ западномъ краѣ. Виленскій губернаторъ Лавинскій писалъ: «еврейскій народъ оказывалъ во время нахожденія непріятеля особенную приверженность къ російскому правительству». Волынский губернаторъ Комбурлей доносилъ: «Особенную приверженность къ Россіи въ настоящее время показалъ еврейскій народъ». «Всѣ здѣшніе евреи преданы намъ, чему я видѣлъ опыты», — сообщаетъ въ іюль 1812 года ген.-майоръ Оленевъ изъ Лядъ. По словамъ современниковъ, петроградскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ заявилъ однажды о евреяхъ: «Эти люди — самые преданные слуги государя, безъ нихъ мы не побѣдили бы Наполеона, и я не былъ бы украшенъ этими орденами за войну 1812 года». Великій князь Николай Павловичъ, будущій императоръ Николай I, отмѣчалъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ во время путешествія по Россіи въ 1816 году: «Удивительно, что они (т. е. евреи) отмѣнно вѣрны намъ»

были и даже помогали, гдѣ только могли, съ опасностью для жизни».

Русское общество ожидало встрѣтить совершенно другое отношеніе со стороны еврейскаго населенія. Лояльность и патриотизмъ послѣдняго оказались выше всякихъ похвалъ. И естественно, что у многихъ русскихъ рождалась мысль о томъ, что за такую преданность, проявленную къ судьбамъ отечества въ тяжелую годину, евреи заслуживаютъ улучшенія своего безправнаго положенія. Приведа длинный рядъ патриотическихъ подвиговъ евреевъ, одинъ изъ современниковъ — русский — писалъ: «Какъ по ихъ опытамъ усердія къ Россіи и челоѡколюбія евреевъ къ русскимъ, такъ и по многимъ другимъ примѣрамъ добраго ихъ къ намъ расположенія, едва ли и нѣкоторые евреи не заслуживаютъ права быть истинными сынами Россіи».

Промышленность и рабочіе въ Италіи.

По своей промышленности Италія сильно отстала отъ другихъ государствъ Европы. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ странѣ нѣтъ каменнаго угля, такъ необходимаго для фабрикъ и заводовъ. Въ послѣднее время въ Италіи стали пользоваться водяной силой для приведенія въ движеніе фабричныхъ машинъ, и теперь всѣ новые заводы строятся по берегамъ быстрыхъ рѣкъ.

На сѣверѣ Италіи сильно развито производство шелковыхъ тканей, а также матерій изъ шерсти, льна и пеньки. Большинство крестьянъ одѣвается въ матеріи, сотканныя на ручныхъ станкахъ. Кустарнымъ же способомъ плетутся въ Италіи кружева и шляпы изъ тонкой соломы.

Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ существуютъ рыболовные промыслы.

Изъ минеральныхъ богатствъ въ Италіи находится мраморъ, лучший въ мірѣ (каррарскій) гранитъ, горшечная и фаянсовая глина, бура, свинецъ и цинкъ. На островѣ Эльба находятся огромные желѣзные рудники; на островѣ Сицилія — обширнѣйшія сѣрные копи.

Положеніе рабочихъ — незавидное. Особенно тяжело работать на желѣзныхъ рудникахъ, гдѣ люди постоянно рискуютъ жизнью.

Итальянская писательница, Ада Негри, такъ описываетъ одинъ изъ ужасныхъ пожаровъ въ рудникахъ, проис-

МІРЪ ВОЕННЫХЪ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА.

Смертная казнь у среднеѡковыхъ ландскнехтовъ.

шедшій отъ взрыва гремучаго газа и унесшій множество жертвъ:

На тысячу метровъ *) идетъ подъ

землею

Рудникъ непривѣтный;

По шахтамъ, какъ рой привидѣній,

толпою,

Снуютъ рудокопы, сроднившіе душою

Съ тюрьмой безпросвѣтной.

Пятьсотъ ихъ. У нихъ фонари и орудья,

Веревки, лопаты...

Герои! Съ землею они борются грудью,

Прекрасны и гордою силой богаты,

Святые солдаты,

Лѣтъ тридцать любому изъ нихъ, но не

болѣ.

*) Тысяча метровъ — почти верста (465 саж.).

И жены, и дѣти

Ихъ ждутъ тамъ, гдѣ пышно цвѣтущее

поле

Въ лучахъ зеленѣетъ, какъ будто на

свѣтѣ

Нѣтъ безднъ и неволи

Съ огромною бодростью землею взрывая,

Выносливѣй стали,

Идетъ эта свѣжая сила родная,

Величье холодныхъ камней сокрушая,

Все глубже и далѣ...

Часть пробилъ. И лопнула лампа, и

громомъ

Уадрило грозно...

Гремучаго газа струи по изломамъ

Забѣгали быстро огнемъ незнакомымъ...

Спасеніе поздно...

Предводители древних германцев передь боемъ клянутся «на крови» въ вѣрности другъ другу.

Сквозь рывины, своды, упавшіе съ трескомъ,
Людей погребая,
Удушливый, красный, съ убійственнымъ блескомъ
Огонь, изъ расщелинъ змѣй выползая,
Разлился, пылая,

* * *

И жадно объятъ огонь простираетъ,
И въ горни раскаленный рудникъ превращаетъ,
И рушатся балки, и грудой кругомъ
Погибшіе валятся въ склепъ глухомъ.

Въ безумномъ порывѣ, съ безумной тоской

Скребуть они камни кровавой рукой
И на стѣны лѣзутъ, и воздуха просятъ...
Находятъ лишь дымъ... А мгновенья приносятъ

Все новыя смерти... Земля запеклась
Горячею кровью... Гремя и дымясь,
Все падаетъ, гибнетъ... Все — смерть, разрушенъе...

Бѣснуется пламя въ больномъ изступленъѣ
И дико хохочетъ, и грозно реветъ...

Случаются также несчастія и въ сѣрныхъ копяхъ, которыя въ Италіи содержатся очень небрежно. Нѣкоторые проходы и подземелья такъ узки, что проходить по нимъ можно, только сгибаясь въ три погибели; ступени высѣчены кое-какъ: одна—высокая, другая — низкая, при томъ всѣ онѣ засыпаны

пылью, сыры и скользки. Подпорки устроены на живую нитку, и здѣсь часто случаются обвалы, во время которыхъ люди гибнутъ десятками.

Кромѣ мужчинъ, здѣсь работаетъ множество женщинъ и дѣтей. Особенно ужасно положеніе послѣднихъ. Взрослые выламываютъ сѣрныя глыбы, а дѣти вытаскиваютъ ихъ на своихъ плечахъ на поверхность земли. Каждый взрослый рабочий имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ двухъ до четырехъ дѣтей и платитъ имъ изъ своего заработка: самъ онъ получаетъ отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. въ день,—дѣтямъ же, конечно, перепадаетъ гроши. Видъ дѣтей, работающихъ здѣсь, просто ужасенъ: «задыхаясь, кашляя и плача, взбираются они по узкой каменной лѣстницѣ, по трое или четверо, одинъ за другимъ, со своей тяжелой ношей. Послѣ горячаго воздуха подземныхъ ходовъ они совершенно потными выходятъ на рѣзкій сквозной вѣтеръ. Остановившись на минуту, маленький отрядъ переподитъ духъ и опять двигается мимо кучи сѣрныхъ обломковъ къ кострамъ, расположенныхъ неподалеку». Здѣсь дѣти должны ждать, пока снимутъ съ нихъ ношу, а потомъ идти опять въ копи.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой работы дѣти заболѣваютъ, и многія изъ нихъ умираютъ чахоткой.

Добыча и обработка мрамора производится по старинѣ: мраморъ отрывають пороховомъ, хотя отъ этихъ взрывовъ громадные куски его превращаются въ мусоръ и, такимъ образомъ,

пропадаютъ даромъ. Работа идетъ медленно. Сначала выдалбливаютъ желобъ; на это тратится много времени. Потомъ закладываютъ зарядъ и взрывомъ отламываютъ огромную глыбу мрамора. Эту глыбу обрабатываютъ уже при помощи ручной пилы, на что тратится тоже масса времени.

Всего рабочихъ въ Италіи болѣе 4 миллионъ, считая женщинъ и дѣтей. Но это не только фабричныя рабочіе и рудокопы, а также и ремесленники и кустари.

Средняя дневная заработная плата для каменщиковъ отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп., для придильщиковъ—50 до 75 коп., для ткачей—50 до 65 коп. Женщины получаютъ значительно меньше, о дѣтяхъ и говорить нечего.

Итакъ, положеніе рабочихъ въ Италіи — очень незавидное. Въ послѣднее время они придумали способъ улучшить свое положеніе устройствомъ «палатъ труда», которыхъ въ Италіи теперь уже около ста.

Въ предыдущей статьѣ мы говорили о «крестьянскихъ союзахъ». «Палата труда» напоминаетъ ихъ, съ тою лишь разницею, что существуютъ только для рабочихъ.

Цѣль устройства «палатъ труда» доставать работу участникамъ общества, защищать рабочихъ отъ притѣсненія хозяевъ и, вообще, всячески стараться улучшить положеніе трудящагося люда, заботиться объ его образованіи и т. д.

Всѣ «палаты труда» составляютъ общій союзъ, объединяющій итальянскихъ рабочихъ. Пока еще польза отъ этихъ учреждений не особенно замѣтна, такъ какъ они введены только нѣсколько лѣтъ назадъ, но все же она есть, и можно съ увѣренностью сказать, что въ будущемъ, благодаря объединенію рабочихъ, ихъ жизнь и трудъ будетъ значительно облегченъ.

Въ настоящее время «палаты труда» хлопочутъ передъ правительствомъ о сокращеніи рабочаго дня, который здѣсь не опредѣленъ закономъ, но рѣдко гдѣ продолжается меньше 10 час. Есть же фабрики, гдѣ работаютъ и по 14 часовъ въ сутки.

Поэтому положеніе итальянскаго рабочаго пока хуже, чѣмъ рабочаго нѣкоторыхъ другихъ странъ Европы.

Е. С.

МЫСЛИ О ВОЙНѢ И МИРѢ.

Я говорю вамъ: сохраняйте миръ, пока возможно; но я прибавлю еще: оказывайте быстрое, рѣшительное, стойкое сопротивленіе противъ перваго нападенія—какія бы ни были отъ этого послѣдствія.

Шериданъ, Рѣчи.

Когда мы стоимъ передъ дилеммой—воевать или отступить отъ своихъ принциповъ, мы должны войну предпочесть миру; ибо миръ, купленный цѣной измѣны себѣ, непроченъ, сомнителенъ и постоянно нарушается новыми оскорбленіями. Войну нужно предпочесть такому миру, потому что она скорѣе и вѣрнѣе всего ведетъ къ желанному концу—къ прочному и продолжительному миру.

Питтъ, Парламентскія рѣчи.

Если человѣкъ счастливъ, и можетъ сдѣлать свободный выборъ, то большимъ безуміемъ было бы выбрать войну; но если нѣтъ иного выхода, какъ подчиниться врагу или въ опасности битвы искать побѣды, то тотъ, кто уклоняется отъ опасности, хуже того, кто идетъ на нее.

Фукидидъ, Пелопоннесская война.

* *

Во имя Бога—если неизбежно надо выбрать между миромъ и войной, и первый нельзя сохранить, не лишаясь чести—почему же не рѣ-

Черногорцы въ войну 1877 года. (Набросокъ очевидца).

шататься безъ колебаній на войну? Признаюсь, я не достаточно освѣдомленъ о средствахъ государства, но я надѣюсь, что ихъ достаточно, чтобы отстоять свои права. Господа, всякое состояніе лучше колебанія. Сдѣлаемъ же усиліе, и если намъ суждено пасть, то падемъ, какъ мужи.

Лордъ Чатамъ, Политическія рѣчи.

* *

Справедлива та война, которая неизбежна, и праведна та битва, которая является послѣдней надеждой.

Макиавелли, Государь.

* *

Бывали разныя войны и разнаго рода героизмъ; но истинная слава принадлежитъ тѣмъ, кто побѣдоноснымъ оружіемъ открывалъ для человѣческой культуры новые горизонты и отодвигалъ все дальше варварство.

Ранке, Французская исторія.

* *

Право самозащиты вызываетъ иногда у человѣческаго общества необходимость нападенія: когда народъ видитъ, что продолжительный миръ даетъ другому народу возможность разгромить его и что нападеніе является въ настоящую минуту единственнымъ средствомъ предотвратить этотъ разгромъ.

Монтескье, Духъ законовъ.

* *

Когда государи хотятъ войны, они начинаютъ ее и ждутъ затѣмъ трудолюбиваго юриста, который докажетъ бы, что война была необходимою.

Фридрихъ II.

Погоня.

КАЙЗЕРЪ: «Слушайте, Тирпицъ, неужели вамъ не надоѣсть быть битымъ?!»

АДМ. ФОНЪ-ТИРПИЦЪ: «Оно, дѣйствительно, сначала неприятно... а потомъ... привыкаешь!...»

„20-й ВѢКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.**
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. **Цѣна 6 коп.**